

БОСС, ЭТО НАШИ ДЕТИ БУДУТ НЕ В ТВОЁМ ТИПАЖЕ

идеальных
людей не
бывает...
...но бывают
папы в
панике

Главный
комментатор

Семья —
мой самый
крутой
проект

♥ ХАОС
ЛЮБОВЬ
ПОДГУЗНИКИ ♥

Лучший
пелёшник
по дому

МАМА
КОФЕ
ВЫЖИВЕТ

сон —
переоценкой

ис
беспокоить:
важное
совещание

Надежда Чародейская

Timofeev.Dev: Любовь по контракту

Надежда Чародейская

**Босс, это наши дети
будут не в твоём типаже**

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Босс, это наши дети будут не в твоём типаже / Н. Чародейская — «Автор», 2026 — (Timofeev.Dev: Любовь по контракту)

Саша Тимофеева думала, что самое сложное позади. Она пережила кофе на ковре из шерсти яков, контракт с пунктом 46, Дубай, скандал в прессе и ужин с отцом Марка. Наивная. Теперь у неё: муж, который планирует ребёнка в Excel и читает книги «Как воспитать гения с пелёнок»; кот Жора, возглавивший домашнюю службу безопасности; попугай Кеша, который орёт «ДАЙ ДЕНЕГ!» в пять утра; и мама-блогер, превратившая Марка в мем «Мистер Подушка». А ещё — тест с двумя полосками. Вернее — двойня. Два ребёнка, которые снесут идеальный график Марка к чертям. Сможет ли человек-лёд не сломаться, когда его жизнь заполнят подгузники, бессонные ночи и тёща с леопардовыми лосинами? Кто окажется главным в этом доме — миллионер, его жена, бабушка-звезда интернета или кот с медалью за выдающиеся заслуги перед семьёй? Продолжение хита «БОСС, ТЫ НЕ В МОЁМ ТИПАЖЕ». Ещё больше хаоса, юмора и любви. Спойлер: Жора всё ещё главный.

Содержание

ГЛАВА 1. ДВЕ ПОЛОСКИ, КОТОРЫЕ СЛОМАЛИ EXCEL	5
ГЛАВА 2. МАМА, БЛОГ И ПОПУГАЙ-ТЕРРОРИСТ	14
ГЛАВА 3. ПЕРВОЕ УЗИ: МАРК ПАДАЕТ В ОБМОРОК	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Надежда Чародейская

Босс, это наши дети будут не в твоём типаже

ГЛАВА 1. ДВЕ ПОЛОСКИ, КОТОРЫЕ СЛОМАЛИ EXCEL

Саша

Свадьба была три месяца назад.

Красивая. На той самой яхте в Дубае. Марк плакал (он до сих пор отрицает, но Жора видел и даже мяукнул что-то осуждающее). Кот был шафером в галстук-бабочке. Отец Марка произнёс тост: «Сын, ты выбрал правильно. Она безумная, но это семейное». Я не поняла, комплимент это или нет, но шампанское было дорогое, так что я не спорила.

Казалось бы — живи и радуйся.

Три месяца после свадьбы — это медовый период. Мы переехали в новую квартиру на Патриарших (Марк сказал: «Слишком много плохих воспоминаний в Сити, начнём с чистого листа»). Трёхкомнатная, с балконом, видом на старые московские крыши и огромным окном от пола до потолка. Жора обожает это окно. Он сидит там часами, смотрит на голубей и, кажется, строит планы по захвату мира.

У нас идеальная жизнь. Марк варит мне раф с ванилью каждое утро (научился со сорок третьей попытки). Я дописываю курсовую (да, я всё ещё студентка, хотя муж — миллионер, но диплом есть диплом). Жора получает свой инсулин по графику. Всё идёт по плану.

Но сегодня план рухнул.

Я сижу на бортике ванны в нашей спальне, сжимаю в руке тест на беременность и пятый раз пересчитываю полоски.

Одна.

Две.

И контрольная, которая говорит: «Ты не ошиблась, дура, хватит пересчитывать».

— Жора, — шепчу я. — Мама влипла.

Жора сидит на стиральной машине и смотрит на меня с выражением «я тебя предупреждал». Он вообще последнее время ведёт себя как крёстный отец кошачьей мафии. Ходит по квартире, проверяет миски, следит за графиком кормёжки, а когда мы с Марком ссоримся — садится между нами и мяукает так, будто говорит: «Дети, не ссорьтесь, а то уволю обоих».

Марк шутит, что кот захватил власть в доме. А я думаю — Жора просто готовился. К чему? Теперь я знаю.

К ребёнку.

Который будет нашим. Моим. И Марка.

Боже. Марк.

Человек, у которого график встреч расписан до 2027 года. Который планирует поездки в «Пятёрочку» за две недели. Который недавно купил книгу «Как воспитать гения: методика с пелёнок» и положил её на мою тумбочку со словами: «Мы должны быть готовы, Руднева. Это вопрос эффективности».

Он думает, мы начнём «проект» через год.

А «проект» уже здесь. И он размером с фасолину.

Я смотрю на своё отражение в зеркале. Мне двадцать один. Я замужем за миллионером. У меня кот-диабетик. И теперь — ребёнок. О котором я должна сказать мужу, который боится спонтанности больше, чем налоговой.

— Жора, — говорю я. — Как я ему скажу?

Жора мяукает. Видимо, предлагает начать с фразы «Марк, у нас проблема». Или «Марк, твой график только что выкинули в окно». Или просто дать ему корм — Жора считает, что корм решает все проблемы.

Я делаю глубокий вдох. Выхожу из ванной.

Марк

— Ты бледная, — говорит он, когда я появляюсь в гостиной. — И дрожишь.

— Это кондиционер, — вру я.

— Я его выключил час назад.

Чёрт.

Марк сидит за столом, перед ним ноутбук и три монитора. Он анализирует какие-то графики. В очках. Боги, он надел очки. Это всегда плохой знак — значит, он слишком много работает и скоро начнёт говорить фразами из бизнес-презентаций.

Жора сидит рядом с ним на стуле (у Жоры теперь свой стул, Марк купил ему специальный, потому что «кот не должен сидеть на полу как плебей»). Они выглядят как два генерала, обсуждающие стратегию.

Я сажусь напротив.

— Марк, нам надо поговорить.

— О ребёнке? — спрашивает он, не поднимая глаз от монитора. — Я как раз внёс правки в твой график витаминов. И нашёл лучшего педиатра в Москве. Записал на консультацию через одиннадцать месяцев. Как раз успеем подготовиться.

— Мы не успеем, — говорю я.

— Почему? — он нажимает какую-то кнопку. — Я всё рассчитал. Если мы начнём попытки в июне, то к апрелю следующего года...

— Марк.

— Что?

— Посмотри на меня.

Он поднимает глаза. Медленно снимает очки. Смотрит на моё лицо — и я вижу, как в его глазах что-то меняется. Тревога. Он всегда чувствует, когда что-то идёт не по плану.

— Руднева, — говорит он тихо. — У тебя такое лицо, будто ты снова разлила кофе на ковёр.

— Хуже.

— Что может быть хуже ковра?

Я протягиваю ему тест. Три теста, если честно. Я сделала три, потому что не верила первому, а потом второму, а третий просто орал «беременна» вместе с первыми двумя.

Марк берёт их. Смотрит на полоски. Переворачивает. Смотрит на инструкцию (он всегда читает инструкцию). Потом снова на полоски.

— Это то, что я думаю?

— Да.

— Но график...

— Твой график только что выкинули в окно.

Он молчит секунд десять. Потом пятнадцать. Потом кладёт тесты на стол — аккуратно, как будто они из стекла. Встаёт. Подходит ко мне. Берёт мои руки. Они у него ледяные — всегда ледяные, когда он нервничает.

— Ты уверена?

— Я сделала три теста. Они орут хором.

Он выдыхает. Медленно. Садится на корточки передо мной. Кладёт голову на мои колени. Я чувствую, как он дрожит.

— Я не готов, — говорит он глухо.

— Я тоже.

— Я купил книгу. Но книга — это не ребёнок.

— Книга — это точно не ребёнок, Марк.

Он поднимает голову. В его глазах — паника. Настоящая. Та, которую он никогда не показывает на переговорах, в офисе, перед инвесторами. Та, которую вижу только я.

— Я не умею быть папой. Мой отец... ты знаешь. Он был холодным. Он не говорил мне «я люблю тебя» до моих двадцати трёх лет. Я не хочу быть таким.

Я беру его лицо в ладони. Провожу пальцами по его скулам — острым, как лезвия. Смотрю в его серые глаза — сейчас они не ледяные, а растерянные, как у мальчика, который потерялся в торговом центре.

— Ты не твой отец, — говорю я. — Ты — это ты. Тот, кто купил Жоре инсулин на десять лет вперёд. Тот, кто плакал на нашей свадьбе. Тот, кто каждое утро варит мне раф с ванилью, даже когда у самого горит сделка. И ты справишься. Мы справимся. Втроём.

— Вчетвером, — поправляет он.

— Почему вчетвером?

Он кивает на дверь. Там стоит Жора. Смотрит на нас. Мяукает — требовательно, как будто говорит: «Ну наконец-то, я уж думал, вы никогда не догадаетесь».

— Кот — тоже член семьи, — говорит Марк. — И он, кажется, требует, чтобы его повысили.

— До кого?

— До главного по детской.

Жора мяукает громче. Подходит к Марку. Трётся о его ногу. Потом смотрит на меня и орёт уже так, будто требует премию.

— Он одобряет, — говорю я.

— Или требует зарплату кормом, — вздыхает Марк.

Он встаёт. Берёт меня за руку. Ведёт к дивану. Мы садимся. Он обнимает меня — крепко, так, что я слышу, как бьётся его сердце. Быстро. Слишком быстро для человека-льда.

— Руднева, — говорит он мне в макушку.

— М?

— Спасибо.

— За что?

— За то, что сломала мой график. Снова. Сначала ты разлила кофе на ковёр. Потом сказала шейхам, что я боюсь себя. Потом ушла босиком в ноябре. А теперь — это. Ты рушишь все мои планы. И знаешь что?

— Что?

— Я никогда не был счастливее.

Я утыкаюсь носом в его шею. Пахнет сандалом и кофе. И немного — Жорой (кот slept на его свитере, пока Марк работал). И ещё — страхом. Страхом перед будущим, которое невозможно запланировать.

— Мы справимся, — шепчу я. — У нас есть Жора.

— И корм, — добавляет Марк.

— И инсулин.

— И педиатр через одиннадцать месяцев.

— Который нам понадобится через восемь, — поправляю я.

Марк замирает.

— Через восемь?

— Ну, тесты показывают где-то четвёртую неделю. Так что...

— Четвёртую неделю? — он отстраняется. Смотрит на меня. Потом на тесты. Потом на Жору. — Мы что, зачали ребёнка в наш медовый месяц?

— Похоже на то.

— В Дубае?

— В Дубае.

— На яхте?

— Марк, ты хочешь, чтобы я нарисовала схему?

Он закрывает лицо руками. Плечи трясутся. Я думаю — он плачет. Боже, он плачет. Я сломала человека-льда окончательно.

А потом он отнимает руки. И я вижу — он смеётся.

Смеётся. Громко. Так, как никогда не смеялся — ни на одной сделке, ни на одной презентации, ни даже когда Жора упал с подоконника и приземлился прямо в его тарелку с гречкой.

— Руднева, — говорит он сквозь смех. — Ты — самое неэффективное вложение в моей жизни. Ты разрушила мой ковёр, мой офис, мою репутацию, а теперь — мой график. И я...

— И ты?

— И я люблю тебя за это. Больше всего на свете.

Жора мяукает. Видимо, напоминает, что он тоже требует любви. И корма. И уважения.

— Завтра, — говорит Марк, вытирая глаза, — мы идём к врачу. Лучшему. Я запишу нас на завтра.

— Но у тебя завтра переговоры с Сингапуром.

— К чёрту Сингапур. У меня теперь есть проект поважнее.

— Какой?

Он кладёт руку на мой живот — ещё плоский, ничего не видно, но он уже смотрит на него так, будто там спрятано сокровище.

— Проект «Фасолина». Срок реализации — восемь месяцев. Бюджет — неограничен. Риски — неизвестны. Но ожидаемая прибыль...

— Какая?

Он улыбается. Тепло. Так, как улыбался только один раз — на яхте, когда мы целовались под фальшивыми звёздами.

— Бесконечная.

Жора запрыгивает на диван. Ложится между нами. Кладёт лапу на руку Марка — ту, что лежит на моём животе.

— Видишь? — говорит Марк. — Даже кот понимает. Это теперь наш главный проект.

— А как же Timofeev.Dev?

— Подождёт. Там всё равно одни параноики работают, справятся без меня.

— Ты же не нанимаешь оптимистов.

— Я нанял тебя. А ты — самый большой оптимист в моей жизни. Ты верила, что лед может растаять.

— И он растаял.

— Превратился в воду, — поправляет он. — В тёплую воду. В которой теперь будет плавать наша фасолина.

— Марк.

— М?

— Никогда больше не называй нашего ребёнка фасолиной.

— Хорошо. Как насчёт «Проект Альфа»?

— Нет.

— «Малыш Тимофеев версия 1.0»?

— Я сейчас ударю тебя подушкой.

Он смеётся. Я смеюсь. Жора орёт — потому что мы его разбудили. И в этот момент я понимаю:

Мы не готовы. Совершенно не готовы. У нас нет опыта, нет плана, нет ни одной книги, которая объяснит, как растить ребёнка, когда ты сам ещё иногда чувствуешь себя подростком.

Но у нас есть мы.

И Жора.

И этого, кажется, достаточно.

Ночью

Я просыпаюсь в три часа ночи. Марка нет рядом.

Я встаю, иду в гостиную. Он сидит за столом, перед ноутбуком. Экран светится. Вкладки: «Как выбрать коляску рейтинг 2025», «Лучшие роддома Москвы», «Питание беременных первый триместр», «Можно ли котам находиться в одной комнате с новорождённым».

Он читает. Конспектирует. В Excel, конечно.

— Марк, — говорю я тихо.

Он вздрагивает. Оборачивается. Под глазами — круги, но глаза горят.

— Я не мог уснуть, — говорит он виновато. — Решил подготовиться.

— Три часа ночи.

— В Сингапуре сейчас рабочий день. Я могу проконсультироваться с их педиатрами.

— Марк, ложись спать.

— Ещё пять минут. Я почти закончил сравнительную таблицу подгузников.

Я подхожу. Закрываю его ноутбук. Беру его за руку.

— Подгузники подождут. А твоя жена и фасолина хотят спать. В обнимку.

Он смотрит на меня. Потом на ноутбук. Потом снова на меня.

— Ты права, — вздыхает. — Я просто...

— Боишься?

— Да.

— Я тоже. Но у нас ещё восемь месяцев, чтобы бояться вместе. А сейчас — спать.

Он встаёт. Идёт за мной в спальню. Ложится рядом. Обнимает меня. Кладёт руку на живот — теперь это будет его любимый жест, я знаю.

— Руднева, — шепчет он в темноте.

— М?

— Как думаешь, Жора будет ревновать?

— Жора будет главным. Он уже всё решил.

— А если ребёнок захочет быть главным?

— Тогда у них будет война. И мы проиграем оба.

Марк усмехается. Целует меня в затылок.

— Я люблю тебя, — говорит он. — Даже если ты разрушила мой график. Даже если у нас будет двойня.

— Почему ты сказал про двойню?

— Потому что это было бы... неэффективно. Два ребёнка за один раз. Экономия времени.

— Ты сейчас серьёзно?

— На пятьдесят процентов.

— Спи, Тимофеев.

— Сплю, Руднева.

Он засыпает через минуту. Дышит ровно. Рука всё ещё на моём животе. Жора приходит и ложится в ногах.

А я лежу и думаю: двойня. Он сказал «двойня». Это была шутка. Просто шутка.

Да?

ГЛАВА 2. МАМА, БЛОГ И ПОПУГАЙ-ТЕРРОРИСТ

Саша

Моя мама — это стихийное бедствие, у которого есть леопардовые лосины и аккаунт во всех соцсетях.

Она работает учительницей музыки в Подольске. Играет на фортепиано так, что соседи плачут (не от восторга — от громкости). Носит леопардовые лосины и бирюзовые тени, потому что «женщина должна быть яркой, Саша, иначе мужик уйдёт». Её любимая фраза: «Я женщина в самом соку». Её нелюбимая фраза: «Мам, не надо».

Когда я вышла за Марка, она сказала: «Дочка, ты сорвала джекпот. Только не облажайся. Миллионеры не любят, когда облажаются». А потом заплакала и добавила: «Но если что — возвращайся, я и Жору прокормлю, у меня пенсия».

Теперь она звонит мне каждый день. Иногда дважды. Иногда в семь утра, потому что «я уже не сплю, мне надо знать, что ты жива и он тебя не бросил».

И вот я беременна.

Я сижу на кухне, пью имбирный чай (Марк где-то прочитал, что имбирь помогает от токсикоза, и теперь у нас дома плантация имбиря) и смотрю на телефон. Надо позвонить маме. Надо сказать ей, что она станет бабушкой. Это будет... громко.

Жора сидит рядом и смотрит на меня с выражением «ну давай, жми, чего тянешь». Он вообще последнее время ведёт себя как мой личный коуч. Или надзиратель. Я ещё не решила.

— Ладно, — говорю я Жоре. — Звоню. Если что — ты свидетель.

Жора мяукает. Видимо, согласен давать показания.

Я набираю номер.

— АЛЛО! — орёт мама в трубку так, что я отдёргиваю телефон от уха. — Саша! Ну наконец-то! Я тебе три раза звонила! Ты чего трубку не берёшь? Он тебя не бросил?

— Мам, привет. Нет, не бросил. Я просто...

— Ой, чую новости! — перебивает она. — У тебя голос как у мыши, которая нашла сыр. Или как у кошки, которая родила. Кстати, как там Жора?

— Жора в порядке. Мам, у меня правда новости.

— Ну говори! Только если плохие — не говори. Я не переживу.

Я делаю глубокий вдох.

— Мам, я беременна.

Тишина. Долгая. Секунд пять. Я даже проверяю, не сбросила ли она звонок.

А потом — визг. Такой, что Жора подпрыгивает на метр, а из спальни выбегает Марк с криком «Что случилось?! Пожар?! Жора упал?!».

Я машу ему рукой — всё в порядке, просто мама.

— Я БАБУШКА! — орёт мама в трубке. — Я БАБУШКА! ГОСПОДИ, Я БАБУШКА!

— Мам, не кричи так, ты напугала Жору.

— К чёрту Жору! То есть нет, Жору не к чёрту, Жора хороший. Но я БАБУШКА! Я ЕДУ!

— Мам, не надо...

Но она уже повесила трубку.

Я смотрю на Марка. Марк смотрит на меня. Жора смотрит на нас обоих.

— Она едет? — спрашивает Марк ледяным голосом.

— Похоже на то.

— Когда?

— Думаю, прямо сейчас.

Марк закрывает глаза. Считает до десяти. Я знаю этот приём — он использует его на переговорах, когда хочет не убить оппонента. Открывает глаза на счёте «восемь».

— Хорошо, — говорит он. — Мы справимся. У нас есть время подготовиться. Она живёт в Подольске, это минимум два часа на электричке.

— У неё есть твой номер карты для такси.

— Что?!

— Ты дал ей на свадьбе. Сказал: «Для экстренных случаев».

— Я имел в виду пожар. Или наводнение. Или...

— Мама считает, что беременность дочери — это экстренный случай.

Марк смотрит на меня. Потом на Жору. Потом достаёт телефон и проверяет приложение банка.

— Такси. Подольск — Москва. Три тысячи рублей. Только что.

— Она уже в пути, — киваю я.

— Руднева, — говорит Марк. — Мне нужен кофе. Крепкий. Очень крепкий.

— Тебе нужен не кофе. Тебе нужна броня.

Жора мяукает. Видимо, предлагает свою кандидатуру в качестве телохранителя.

Через два часа

Мама врывается в квартиру как ураган.

На ней леопардовый костюм (я не шучу — полный комплект, пиджак и брюки, всё в пятнах, как будто на неё напали и не додавили). В одной руке — чемодан размером с небольшой шкаф. В другой — клетка.

Клетка.

С попугаем.

— Знакомьтесь! — объявляет мама, ставя клетку на пол. — Это Кеша. Он будет жить с нами.

Кеша — здоровенный белый попугай с жёлтым хохолком. Он смотрит на меня. На Марка. На Жору. И орёт:

— ДАЙ ДЕНЕГ!

Марк замирает. Он стоит в дверях гостиной, в домашней футболке и спортивных штанах (я впервые вижу, чтобы он не знал, что сказать — обычно у него всегда есть план, стратегия, запасной вариант).

— Это... — начинает он.

— Попугай! — радостно сообщает мама. — Жако. Говорящий. Очень умный. Я купила его на «Авито» за пять тысяч. Он будет развлекать внука!

— Внука? — переспрашивает Марк. — Мы даже не знаем, кто там.

— Я знаю! — мама подмигивает. — У меня чутьё. Будет мальчик. И девочка.

— В смысле «и девочка»? — у меня пересыхает во рту.

— Двойня! — мама всплёскивает руками. — У нас в роду у всех двойни! Твоя прабабка родила двоих, твоя тётка родила двоих, я бы тоже родила двоих, но твой отец сбежал раньше.

Я смотрю на Марка. Марк смотрит на меня. Мы оба вспоминаем его вчерашнюю шутку про двойню.

— Ты это специально? — шепчет Марк.

— Я не знала! — шепчу я в ответ. — Это семейное, я забыла!

— Ты забыла, что у вас в роду двойни?!

— Я думала, это легенда!

Жора подходит к клетке. Садится напротив. Смотрит на Кешу. Кеша смотрит на Жору. Это противостояние, достойное вестерна.

— ДАЙ ДЕНЕГ! — орёт Кеша.

Жора медленно поворачивает голову ко мне. В его глазах читается: «Хозяйка, что это за пернатое недоразумение, и почему оно ещё не на ужин?»

— Не трогай попугая, — говорю я Жоре. — Это теперь член семьи.

Жора фыркает. Встаёт. Уходит на кухню — демонстративно, хвост трубой. Я знаю этот взгляд. Он обиделся. И он этого так не оставит.

— Мам, — говорю я. — Ты не можешь просто взять и приехать. У нас квартира. У нас планы. У нас...

— Глупости! — мама уже открывает чемодан и достаёт оттуда кастрюлю. — Я привезла борщ. И котлеты. И солёные огурцы — тебе, Саша, нужно есть солёное, это для мальчика. И носки вязанные — Марку. У вас тут холодно, он простудится и умрёт.

Марк смотрит на носки. Они фиолетовые. С помпонами.

— Спасибо, — говорит он сдавленно. — Очень... тёплые.

— Носи на здоровье! — мама сияет. — А теперь покажите мне комнату для гостей. И где тут у вас розетка? Мне надо зарядить телефон — я запустила новый канал!

— Какой канал? — спрашиваю я, хотя уже боюсь ответа.

— «Свекровь миллионера: как выжить среди богатых»! — объявляет мама гордо. — Уже две тысячи подписчиков! Я снимаю обзоры на вашу квартиру. И на Марка. И на Жору. Жора — звезда, между прочим, все хотят на него смотреть.

— Мам, ты не свекровь, — говорю я. — Ты теща. Свекровь — это мама мужа.

— Ой, — мама машет рукой. — Какая разница. Главное — контент. Кстати, Марк, можно с тобой фото в твоём кабинете? Для превью. Я назову его «Зять-миллионер: рабочие будни».

Марк смотрит на меня. Я смотрю на Марка. Жора возвращается из кухни — и я вижу, что у него в зубах зажат пакетик с кормом. Он садится перед клеткой. Разрывает пакетик. Начинает есть.

Демонстративно. Медленно. Глядя Кеше прямо в глаза.

— ДАЙ ДЕНЕГ! — орёт Кеша.

Жора продолжает жевать.

— Это что, психологическая атака? — спрашивает Марк шёпотом.

— Похоже на то, — отвечаю я. — Жора показывает, кто здесь главный.

— А кто здесь главный?

— Пока не ясно. Но я бы поставила на Жору.

Мама уже ушла в гостиную — фотографировать вид из окна. Слышно, как она комментирует: «А вот это, дорогие подписчики, вид на Патриаршие пруды. Квартира стоит примерно как весь Подольск. Но я не продаюсь, я просто тут живу».

— Руднева, — говорит Марк тихо. — Сколько она планирует остаться?

— Она сказала «на месяц».

— Месяц?

— А может, два. Ей нужно отснять контент.

Марк садится на стул. Вид у него такой, будто он только что подписал сделку на миллиард и сразу же её проиграл.

— У нас двухкомнатная квартира, — говорит он. — В одной спальне — мы. Во второй — детская, которую я ещё не обустроил. В гостиной — Жора. Теперь ещё — попугай. И твоя мама.

— И двойня через восемь месяцев, — добавляю я. — Возможно.

— Если это правда про двойню, — говорит Марк, — нам нужен дом. Большой. С отдельным крылом для твоей мамы. И для попугая. И для Жоры — с тронным залом.

— Жоре понравится тронный зал.

Жора, услышав своё имя, отрывается от корма. Подходит к Марку. Трётся о его ногу. Мурчит.

— Он меня поддерживает, — говорит Марк.

— Он просто хочет добавки.

— Нет. Он чувствует. Мы теперь союзники.

— Против кого?

Марк кивает в сторону гостиной, откуда доносится мамин голос: «А это, подписчики, наш холодильник. В нём пять видов сыра. Пять! Представляете? А в Подольске у меня был один. И тот плавленый».

— Против хаоса, — говорит Марк. — Мы с Жорой — бастион порядка в этом доме. И мы выстоим.

Жора мяукает. Видимо, клянётся в верности.

Вечером

Мама устраивается в гостиной на диване. Попугай Кеша сидит в клетке и периодически орёт «ДАЙ ДЕНЕГ!» или «КЕША ХОРОШИЙ!». Жора патрулирует квартиру — проходит мимо клетки каждые десять минут, как часовой, и смотрит на Кешу с презрением.

Мы с Марком сидим на кухне. Пьём чай. Молчим.

— Она выложила видео про твой шкаф, — говорю я, глядя в телефон. — Назвала «Гардероб зятя-миллионера: что носит успешный мужчина».

— И что там?

— Твои носки. С котами.

— Это ты мне подарила.

— Я знаю. Подписчики в восторге. Говорят, ты «милашка».

Марк закрывает лицо руками.

— Руднева, — говорит он глухо. — Я — генеральный директор IT-компании. Я веду переговоры с Сингапуром. Я краш года по версии Forbes. А теперь я «милашка» в носках с котами.

— Добро пожаловать в мою жизнь, — улыбаюсь я. — В моей жизни ты всегда был милашкой. Просто никто не знал.

Он отнимает руки от лица. Смотрит на меня. В его глазах — что-то тёплое.

— Знаешь, — говорит он. — Когда я встретил тебя, я думал, что хаос — это враг. Что его нужно контролировать. А теперь...

— Что теперь?

— Теперь я понимаю: хаос — это просто жизнь. Твоя мама, попугай, кот-мафиози, двойня в перспективе... Это моя жизнь. И я бы не променял её ни на какие сингапурские сделки.

— Даже если попугай орёт по ночам?

— Даже если попугай орёт по ночам.

— И мама запускает новые челленджи?

— Какие челленджи?

Я показываю ему телефон. На экране — новый пост мамы: «ЧеллендЖ: кто больше подпишется на мой канал, тот получит автограф моего зятя-миллионера!»

Марк вздыхает.

— Я куплю дом, — говорит он. — С герметичным подвалом. Для себя.

— Жора будет скучать.

— Жора пойдёт со мной. Мы организуем там штаб-квартиру.

Из гостиной доносится:

— ДАЙ ДЕНЕГ!

— КЕША ХОРОШИЙ!

И мамин голос:

— Дорогие подписчики, спасибо за лайки! Завтра снимаем обзор на ванную комнату! Там джакузи!

Марк встаёт. Подходит ко мне. Целует в макушку.

— Я люблю тебя, Руднева, — говорит он. — Но если твоя мама снимет моё джакузи, я вызываю охрану.

— Ты не можешь вызвать охрану на тещу.

— Могу. Я Марк Тимофеев. Я всё могу.

— Кроме того, чтобы справиться с попугаем.

— Попугай — это временно, — говорит Марк. — Я уже заказал звукоизоляцию. И книгу «Как подружить кота с попугаем».

— Такое бывает?

— Если нет — я напишу свою.

Жора заходит на кухню. Запрыгивает на стол (чего ему вообще-то нельзя, но сегодня особый день). Садится перед Марком. Смотрит на него. Мяукает — тихо, доверительно, как будто говорит: «Мы справимся, хозяин. Мы с тобой — последний оплот здравого смысла в этом доме».

Марк чешет его за ухом.

— Хороший кот, — говорит он. — Самый эффективный член семьи.

— А я? — возмущаюсь я.

— Ты — самая любимая. Но Жора — самый эффективный.

Я кидаю в него подушкой. Он ловит. Смеётся. Жора орёт — потому что подушка задела его хвост.

И где-то на фоне Кеша снова требует денег.

Добро пожаловать в семейную жизнь, Тимофеевы.

ГЛАВА 3. ПЕРВОЕ УЗИ: МАРК ПАДАЕТ В ОБМОРОК

Саша

Восемь утра. Понедельник. Клиника «Мать и дитя» на Арбате.

Мы сидим в очереди. Вокруг нас — женщины с животами разного размера. Кто-то на четвёртом месяце, кто-то на девятом, одна вообще выглядит так, будто родит прямо сейчас, в коридоре, на дизайнерском кресле. Все с мужьями. Мужья листают телефоны, мужья держат жён за руки, мужья пьют кофе из автомата.

Мой муж сидит с ноутбуком.

— Марк, — говорю я. — Мы в клинике. Тут не работают.

— Я не работаю, — отвечает он, не поднимая глаз. — Я анализирую.

— Что?

— Рейтинг роддомов Москвы по уровню комфорта. А также статистику кесаревых сечений за последние пять лет. И неонатальную смертность.

Я забираю у него ноутбук.

— Ты сейчас читаешь про смертность? Перед нашим первым УЗИ?

— Это называется «подготовка к рискам», Руднева. Базовый менеджмент.

— Это называется «довести жену до нервного срыва». Базовый Марк.

Он смотрит на меня. Вздыхает. Закрывает ноутбук.

— Прости, — говорит он. — Я нервничаю.

— Я заметила. Ты надел галстук.

— И что?

— Мы идём на УЗИ, а не на приём к английской королеве.

Марк смотрит на свой галстук. Тёмно-синий, шёлковый, завязанный идеальным виндзорским узлом. Потом смотрит на других мужей в очереди — все в джинсах и футболках. Один вообще в трениках.

— Я перестарался, — признаёт он.

— Ты в своём репертуаре.

— Я просто хочу, чтобы всё было идеально.

— Марк, — я беру его за руку. — Это УЗИ. Там не ставят оценок за внешний вид. И никто не попросит у тебя презентацию.

— Но я подготовил презентацию.

— Ты что?!

Он достаёт из сумки папку. Открывает. Внутри — распечатанные слайды. «График развития плода по неделям». «Риски первого триместра». «Сравнительная таблица витаминов для беременных».

— Ты псих, — говорю я с восхищением.

— Я знаю, — кивает он. — Но псих, который готов к любым сюрпризам.

В этот момент медсестра выкрикивает:

— Тимофеева! Кабинет номер четыре!

Я встаю. Марк встаёт. Папка падает на пол, слайды разлетаются по коридору. Он пытается собрать их, бормочет «это важно, там график», но я тяну его за рукав.

— Оставь. График подождёт. Твой ребёнок — нет.

— Фасолина, — поправляет он машинально. — Мы договорились называть его Фасолина.

— Это ты договорился. Я голосовала против.

— У тебя нет права голоса. Ты — мать. Мать не голосует, мать вынашивает.

— Тимофеев, я тебя убью.

— Не убьёшь. Я отец твоего ребёнка. И у меня есть график витаминов.

Медсестра смотрит на нас с выражением «боже, какие идиоты, и они ещё плодиться собираются». Я её понимаю. Я бы тоже так смотрела.

Кабинет УЗИ

В кабинете — полумрак, кушетка, монитор. Врач — женщина лет пятидесяти, с усталым лицом и руками, которые видели тысячу таких пар до нас. Она просит меня лечь, оголить живот, наносит гель — холодный, липкий.

Марк стоит рядом. Держит меня за руку. Его пальцы — ледяные.

— Ты дрожишь, — шепчу я.

— Это кондиционер.

— Тут нет кондиционера.

— Тогда это ты дрожишь.

— Я не дрожу. Я лежу.

— Значит, дрожит кто-то третий.

Врач вздыхает.

— Молодые люди, давайте без лишних разговоров. Я начинаю.

Датчик скользит по животу. На мониторе появляется картинка — чёрно-белая, размытая, похожая на карту далёкой планеты. Врач что-то нажимает на клавиатуре, приближает изображение.

— Так, — говорит она спокойно. — Вот это плодное яйцо. Вот это эмбрион. Видите?

Я вижу. Маленькая точка. Крошечная фасолина. Она пульсирует. Сердце.

— Сердцебиение есть, — продолжает врач. — Хорошее. Ритмичное.

Марк наклоняется ближе к монитору. Его лицо — в сантиметрах от экрана. Он смотрит на эту точку, и я вижу, как его глаза наполняются чем-то, чему я не знаю названия. Не страх. Не радость. Что-то большее.

— Это... наше? — спрашивает он шёпотом.

— Ваше, — кивает врач. — А теперь... — она двигает датчик, — так. Ой.

— Что «ой»? — мы говорим хором.

Врач молчит секунд пять. Всматривается в монитор. Потом поворачивается к нам.

— У вас будет двойня, — говорит она. — Видите? Вот второй плод. Вот второе сердцебиение.

Я смотрю на экран. Две точки. Две фасолины. Два сердца. Они бьются в разном ритме, но вместе — как джазовый дуэт.

— Двойня, — повторяю я. — Мама была права.

— Двойня, — повторяет Марк. — Два.

— Два.

— Два ребёнка.

— Да, Марк. Два.

Он отпускает мою руку. Делает шаг назад. Потом ещё один. В его глазах — то самое выражение, которое я видела один раз: когда я сказала ему, что беременна.

— Марк? — я приподнимаюсь на локте. — Ты в порядке?

— Да, — говорит он. — Я просто... два. Это... неэффективно.

— Что?!

— Нет! Я не это хотел сказать! — он машет руками. — Я хотел сказать, что это... эффективно! Два за один раз! Экономия времени! Я всё спланировал на одного, но два — это же лучше! В два раза лучше!

— Марк, ты несёшь чушь.

— Я знаю. Я осознаю. Я... — он делает ещё шаг назад. — Я сяду.

Он пытается сесть. Но стула там нет. Он садится на пол. Прямо на линолеум клиники. И начинает смеяться.

Смех — громкий, нервный, почти истерический. Врач смотрит на него. Я смотрю на него. На мониторе две фасолки пульсируют, ничего не зная о том, что их отец только что сломался.

— Двойня, — говорит Марк, глядя в потолок. — У меня будет двойня. Мне нужно... мне нужно позвонить.

— Кому? — спрашиваю я.

— Всем. Отцу. Андрею. В Сингапур.

— Зачем в Сингапур?

— Отменить сделку. Я не могу вести переговоры, когда у меня двойня. Мне нужно... мне нужно купить вторую кровать. И вторую коляску. И вторую книгу «Как воспитать гения» — потому что одна на двоих — это негигиенично.

— Марк.

— И няню. Двух нянь. По одной на каждого. Или трёх — одна для Жоры.

— Марк!

Он замолкает. Смотрит на меня снизу вверх — сидя на полу, в галстук, среди рассыпавшихся слайдов про график развития плода.

— Да, Руднева?

— Встань с пола. Ты пугаешь врача.

— Я пугаю врача? — он переводит взгляд на женщину с датчиком. — Простите. Это всё двойня. Она меня сломала.

— Это не двойня вас сломала, — вздыхает врач, поправляя очки. — Это вы сами. Я за тридцать лет практики не видела, чтобы будущий отец сидел на полу. Максимум — в обморок падали. Но садиться... это что-то новое.

— Я могу упасть в обморок, — предлагает Марк. — Если это будет более профессионально.

— Не надо, — говорит врач. — Лучше помогите жене встать. УЗИ окончено. Двойня. Здоровая. Поздравляю.

В коридоре

Мы выходим из кабинета. Я держу в руках снимок УЗИ — две фасолины, два сердца. Марк держит меня под руку, хотя обычно я держу его (когда он падает в обморок, например).

— Двойня, — говорит он в сотый раз.

— Ты повторяешься.

— Я осмысливаю. Это процесс. Он требует повторений.

— Осмысливай быстрее. У нас через восемь месяцев — два младенца. И одна мамалогер. И попугай. И кот-мафиози.

— И дом, — добавляет Марк. — Я куплю дом. Завтра же. С восемью спальнями.

— Зачем нам восемь спален?

— Одна для нас. Две для детей. Одна для твоей мамы. Одна для попугая. Одна для Жоры. Одна для нянь. И одна...

— Для чего?

— Для моего нервного срыва, — говорит он серьёзно. — Мне нужно место, где я смогу сидеть на полу и повторять слово «двойня».

Я останавливаюсь. Смотрю на него. На его галстук, сбившийся набок. На его растрёпанные волосы (он запускал в них пальцы, пока сидел на полу). На его глаза — серые, но уже не ледяные, а какие-то... другие. Тёплые. Ошеломлённые. Живые.

— Марк Тимофеев, — говорю я. — Ты — самый странный миллионер, которого я встречала.

— Я — единственный миллионер, которого ты встречала.

— Это не важно. Ты странный.

— Я знаю. Но ты вышла за меня.

— Потому что ты купил Жоре инсулин на десять лет.

— Это был взлом системы, — признаётся он. — Я знал, что ты не устоишь.

— Ты манипулятор.

— Я бизнесмен. Это одно и то же.

Я смеюсь. Он смеётся. Мы стоим в коридоре клиники, обнимаемся, и я чувствую, как его сердце колотится — быстро, сильно, так же, как те два сердца на мониторе.

Дома

Мы возвращаемся в квартиру. Мама встречает нас у двери — в руках телефон, на лице выражение «я знаю всё».

— Ну?! — требует она.

— Двойня, — говорит Марк устало. — Вы были правы.

— Я ЖЕ ГОВОРИЛА! — орёт мама и чуть не роняет телефон. — Я ЖЕ ГОВОРИЛА! Подписчики! Вы слышали?! У меня будет ДВА внука! Челлендж «Двойное счастье» начинается!

— Мам, выключи камеру, — прошу я.

— Не могу! Контент! Марк, скажи что-нибудь для подписчиков!

Марк смотрит в камеру. Делает лицо «я только что пережил УЗИ, оставьте меня в покое». Говорит:

— Двойня. Это... эффективно.

— ЭФФЕКТИВНО?! — орёт мама. — Это не эффективно, это ЧУДО! Скажи «чудо»!

— Чудо, — повторяет Марк покорно. — Эффективное чудо.

Я увожу его в спальню, пока он не сказал что-нибудь, что мама выложит в сеть с заголовком «Зять-миллионер называет внуков бизнес-проектом».

Мы садимся на кровать. Жора приходит и ложится между нами. Кеша в гостиной орёт «ДАЙ ДЕНЕГ!». Мама комментирует в камеру: «Это мой зять, он только что узнал про двойню, посмотрите на его лицо — это лицо человека, который осознал, что его график сломан навсегда!»

— Она не права, — говорит Марк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.